

ОТЪЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.

Gersonius.

ТОМЪ XLIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАЗУНОВА И К°.

—

1845.

Печатать дозволяется. С. Петербургъ, 31 октября 1845.
Цензоры: *И. Ивановскій* и *А. Мехелинъ*.

тажѣ), «Святое Семейство» Рафаэля, «Приморскій Портъ» Сальватора Розы, «Нищій» Мурильо, и краткая біографія Николая Фрагонара. — Нельзя при этомъ не замѣтить, какъ выгодно для нашихъ художниковъ пребываніе въ Петербургѣ г. Гойе-де-Фонтена съ привезенною имъ изъ Парижа колонією рисовальщиковъ и литографовъ: у насъ начали появляться такіе литографированные эстампы и портреты, какихъ прежде въ Петербургѣ не дѣлывалось, и притомъ по цѣнѣ несравненно-умѣреннѣйшей. На-дняхъ мы видѣли нѣсколько портретовъ, сдѣланныхъ однимъ изъ молодыхъ художниковъ, г-мъ Горбуновымъ, и литографированныхъ у г. Гойе-де-Фонтена: они ни въ чемъ не уступаютъ парижскимъ и между-тѣмъ г. Гойе-де-Фонтенъ беретъ за нихъ такую умѣренную цѣну, какой не брали, до его пріѣзда, петербургскіе литографы. (Литографія г. Гойе-де-Фонтена находится на углу Невскаго Проспекта и Владимірской-Улицы, въ домѣ Жукова).

—

Появилось уже двадцать-семь выпусковъ изданія *Императоръ Александръ и его Сподвижники въ 1812, 1813, 1814 и 1815 годахъ*. Мы извѣщали только о первыхъ восемнадцати выпускахъ; въ остальныхъ девяти находятся портреты и біографіи генераловъ: Сиверса, графа Орлова-Денисова, Костенецкаго, Сандерса, Лихачева, Кутайсова, Коновницына, Протасова и Казачковскаго. Портреты всѣ сдѣланы прекрасно; біографіи чрезвычайно - интересны, какъ рассказы современника и очевидца, владѣющаго, сверхъ-того, извѣ-

стнымъ всей читающей публикѣ литературнымъ талантомъ.

—

Нѣкоторые изъ нашихъ литераторовъ предприняли составить изъ трудовъ своихъ юмористическій альманахъ и просили насъ напечатать объ ихъ книгѣ, начало которой должно появиться въ ноябрѣ нынѣшняго года, слѣдующее объявленіе:

«Зубоскальъ,

комическій альманахъ, въ двухъ частяхъ (въ 8-ю д. л.), раздѣленныхъ на 12 выпусковъ, отъ 3-хъ до 5-ти листовъ въ каждомъ, и украшенныхъ полтипажами.

«Прежде всего просимъ васъ, господа благовоспитанные читатели нашего объявленія, не возмущаться и не возставать противъ такого страннаго, даже затѣйливаго, даже, быть-можетъ, неловко-затѣйливаго названія предлагаемаго вамъ альманаха... «Зубоскальъ»!.. Мы и безъ того увѣрены, что многіе, даже и очень-многіе, отвергнутъ нашъ альманахъ единственно ради названія, ради заглавія; посмѣются надъ этимъ заглавіемъ, даже немного посердятся на него, даже обидятся, назовутъ «Зубоскальъ» анахронизмомъ, миеомъ, пuffedомъ и наконецъ признаютъ его чистою невозможностію. Главное же, назовутъ анахронизмомъ. «Какъ! Смѣяться въ нашъ вѣкъ, въ наше время, «железное, дѣловое время, денежное время, расчетливое время, полное «таблицъ, цифръ и нулей всевозможнаго рода и вида? Да и надъ чѣмъ, «прошу покорно, смѣяться вы будете? «надъ кѣмъ смѣяться прикажете намъ?

«Какъ онъ будетъ, наконецъ, смѣяться, «вашъ «Зубоскаль»? Можетъ ли, наконецъ, смѣяться вашъ «Зубоскаль»? Дѣйствительно ли имѣеть къ тому средства достаточныя? А если и точно имѣеть достаточныя средства, то зачѣмъ будетъ смѣяться? именно, воть зачѣмъ онъ будетъ смѣяться? Конечно» продолжаютъ они, враги «Зубоскала»: «конечно, смѣяться можно, смѣются всѣ, отъ-чего же не смѣяться?— но смѣются кстати, смѣются при случаѣ, смѣются съ достоинствомъ, — не попусту скалятъ зубы, какъ, воть здѣсь, изъ одного заглавія вашего явствуетъ—однимъ словомъ, извѣстно какъ смѣются... ну, отъ удачъ тамъ какихъ-нибудь смѣются... ну, надъ рѣзкостью какою-нибудь, выдающеюся изъ общаго уровня, — ну, наконецъ... какъ вамъ сказать?... ну, за преферансомъ смѣются при счастіи, въ театрѣ смѣются, когда «Филатку» даютъ—воть надъ чѣмъ смѣются при случаѣ, только не такъ, какъ здѣсь, а съ достоинствомъ, съ приличіемъ, а не походя, не скалятъ по заказу зубы, не остряютъ черезъ силу. Да и почему знать, не намѣреніе ли здѣсь какое скрывается» скажутъ въ заключеніе тѣ, которые любятъ во всемъ, что до нихъ не касается, видѣть намѣреніе, даже дурное намѣреніе: «не фальшь ли тутъ какая-нибудь; можетъ-быть, даже неблаговоливый предлогъ къ чему-нибудь, можетъ-быть, даже вольнодумство какое-нибудь... гм! можетъ-быть, очень можетъ-быть,—при нынѣшнемъ направленіи особенно можетъ-быть. И наконецъ, грубое, немытое, площадное, нечесаное, мушкетное название такое—«Зубоскаль!» «Почему «Зубоскаль»? зачѣмъ «Зубоскаль»? Что доказываетъ именно «Зубоскаль?»

«Воть ужъ вы и осудили и обвинили, господà; обвинили не выслушавъ! По-

годите, послушайте! мы вамъ объяснимъ, что такое *Зубоскаль*, долгомъ почтемъ прежде всего объясниться съ вами. И принявъ объясненіе наше, вы, смѣемъ увѣрить васъ, непременно перемѣните свое мнѣніе, можетъ-быть, даже съ улыбкою благоволенія встрѣтите *Зубоскала*, даже полюбите его, даже, какъ знать? можетъ-быть, будете уважать его. Да и какъ не полюбить его, господà! *Зубоскаль* — малой рѣдкостіи въ своемъ родѣ, единственный, — малой добрый, простой, незатѣйливый, и, главное, съ весьма-небольшими претензіями. Ради этого одного обстоятельства, что онъ человѣкъ безъ претензій, ради этого одного онъ уже достоинъ всякаго уваженія. Посмотрите, оглянитесь кругомъ, — кто теперь безъ претензій? А? видите ли? А онъ васъ не толкнетъ, не задѣнетъ, не затронетъ ни чьей амбиціи, и никого не попроситъ посторониться. У него только одно честолюбіе, одна лишь претензія — васъ посмѣшить подъ часть, господà. Впрочемъ, изъ этого одного еще не слѣдуетъ, что онъ такъ воть и взялся, подрядился высиживать для почтеннѣйшей публики на нѣмецкій ладъ носильную остроту. Нѣтъ; онъ зубоскалитъ, когда хочетъ, когда чувствуетъ наклонность къ тому, призваніе; малой-то онъ такой, что за словомъ въ карманъ не ползетъ и для краснаго словца не пожалѣетъ первѣйшаго друга. Да ужъ, если на то пошло, такъ мы и расскажемъ вамъ, кто онъ именно такой нашъ *Зубоскаль*, черезъ какія дѣла перешелъ, какія дѣла совершилъ, что затѣваетъ онъ дѣлать — однимъ словомъ, рисуемъ его вамъ съ головы до пятокъ, какъ говорится.

Представьте себѣ человѣка еще молодого, подбирающагося, впрочемъ, къ среднимъ годамъ, веселаго, бойкаго, радостнаго, шумливаго, игриваго,

крикливаго, беззаботнаго, краснощекаго, кругленькаго, сытненькаго, такъ что при взглядѣ на него раждается аппетитъ, лицо улыбкою расширяется, и даже самый солидный человекъ, очерствѣлый на службѣ человекъ, проведшій, на-примѣръ, цѣлое утро въ канцеляріи, проголодавшійся, жолчный, разсерженный, осипшій, охришій, и тотъ, сѣѣша на свой семейный обѣдъ, и тотъ, при взглядѣ на нашего героя, просвѣтлѣетъ душою и сознается, что можно весело—этакъ, на свѣтѣ пожить, и что свѣтъ не безъ радостей. Представьте же себѣ такого человека, — да! позабыли главное: мы расскажем вамъ вкратцѣ его біографію. Впервые, онъ родомъ, положимъ, Москвичъ, и прежде всего, непременно Москвичъ, т. е. размашистъ, рѣчистъ, всегда съ своей задушевною идеей, любить хорошо пообѣдать, поспорить, простоватъ, хитроватъ, словомъ, со всѣми принадлежностями добрейшаго малаго... Но воспитывался онъ въ Петербургѣ, непременно въ Петербургѣ, и можно рѣшительно сказать, что получилъ образованіе блестящее, современное. Впрочемъ, онъ прошелся вездѣ: онъ все знаетъ, все заучилъ и запомнилъ, все схватилъ, вездѣ былъ. Прикинулся-было сначала человекомъ военнымъ, понюхалъ потомъ и университетскихъ лекцій, узналъ даже, что дѣлается и въ Медицинской-Академіи, и, что грѣха таить, даже забрался-было и на Васильевскій-Островъ въ 4-ю линію, когда вдругъ ни съ того, ни съ сего увидѣлъ въ себѣ художника, когда наука и искусство поманили-было его золотымъ калачомъ. Впрочемъ, наука и искусство продолжались недолго, и герой нашъ, какъ водится, послѣ этого, засѣлъ въ канцелярію (нѣчего дѣлать!), гдѣ и пробылъ изрядное время, т. е. ровно два мѣсяца, до самой той поры, въ которую, при неожидан-

номъ поворотѣ своихъ обстоятельствъ, очутился онъ вдругъ владѣтелемъ неограниченнымъ своей особы и своего состоянія. Съ той поры онъ, заложивъ руки въ карманы, ходитъ посвистывая, и живетъ (извините, господа!) для себя-самого. Онъ можетъ-быть, единственный фланёръ, уродившійся на петербургской почвѣ. Онъ, какъ хотите, и молодой и уже не молодой человекъ. Много молодого опало, а новаго едва привилось да засохло. Остался лишь смѣхъ, — смѣхъ, впрочемъ, смѣемъ увѣрить васъ, совершенно-невинный, простой, беззаботный, ребяческій смѣхъ надъ всѣми, надъ всѣмъ. Да и виновать ли онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, что непрерывно хочетъ смѣяться? виновать ли онъ, что тамъ, гдѣ вы видите дѣло серьезное, строгое, онъ видитъ лишь шутку; въ вашихъ восторгахъ — свой Васильевскій-Островъ, въ вашихъ надеждахъ и стремленіяхъ — заблужденіе, натяжку, чистый обманъ, въ нашемъ твердомъ пути — свою канцелярію, а въ вашей солидности — Варсонофья Петровича, своего бывшаго начальника отдѣленія, весьма, впрочемъ, почтеннаго человека. Виновать ли онъ, что видитъ изнанку кулисы, когда вы видите лишь одну ихъ сторону лицевую; виновать ли онъ, наконецъ, что весь, на-примѣръ, Петербургъ, съ его блескомъ и роскошью, громомъ и стукомъ, съ его безконечными типами, съ его безконечною дѣятельностью, задушевными стремленіями, съ его господами и сволочью, — *глыбами грязи*, какъ говоритъ Державинъ, *позлащенной* и *непозлащенной*, аферистами, книжниками, ростовщиками, магнитизёрами, мазуриками, мужиками и всякою всячиной — представляется ему безконечнымъ, великолѣпнымъ иллюстрированнымъ альманахомъ, который можно переглядывать лишь на досугѣ, отъ скуки, послѣ обѣда — зѣвнуть

надъ нимъ, или улыбнуться надъ нимъ. Дá; послѣ этого еще хорошо, что у нашего героя осталась способность смѣяться, зубоскалить!... По-крайней-мѣрѣ, еще есть хоть польза какая-нибудь. Нерегулярная жизнь, впрочемъ, начала ему сильно надоѣдать съ недавняго времени. Да и дѣйствительно, его такъ затормошили, растащили и употребляли во зло передъ публикою въ иныхъ романахъ, журналахъ, альманахахъ, фельетонахъ, газетахъ, что онъ серьезно рѣшился быть теперь повоздержнѣе и дѣйствовать посолонднѣе... Для сей цѣли вздумалъ онъ было-явиться передъ публикою съ особою книжкою своихъ замѣтокъ, мемуаровъ, наблюдений, откровеній, признаній и т. д., и т. д. Но такъ-какъ все черезъ-чуръ — значитъ некстати, такъ-какъ самое лучшее блюдо въ чрезмѣрномъ количествѣ можетъ произвести индигестію, и такъ-какъ онъ самъ, наконецъ, врагъ несваренія желудка, то и рѣшился раздробить всю книжку на тетрадки... Матеріаловъ у него бездна; времени — дѣвать нѣкуда. Мы говорили уже, что онъ нигдѣ не служитъ, незнакомъ ни съ какими департаментами, ни съ какими канцеляріями, вѣдомствами, правленіями и архивами, даже не употреблялся никогда ни по чѣмъ порученіямъ. Онъ, какъ сказали мы выше, закланной врагъ индигестіи. Прибавимъ еще, что онъ неутомимый ходокъ, наблюдатель, пронира, если поналобится, и знаетъ свой Петербургъ какъ свои десять пальцевъ. Вы его увидите всюду—и въ театрѣ, и у подъѣзда театра, и въ лужахъ, и за кулисами, и въ клубахъ, и на балахъ, и на выставкахъ, и на аукціонахъ, и на Невскомъ-Проспектѣ, и на литературныхъ собраніяхъ, и даже тамъ, гдѣ вы вовсе не ожидали бы увидѣть его, — въ самыхъ дальнѣйшихъ закоулкахъ и углахъ Петербурга. Онъ

не брезгаетъ ничѣмъ. Онъ всздѣ съ своимъ карандашомъ и лорнетомъ и тоненькимъ сытненькимъ смѣхомъ. А вотъ и еще одно достоинство *Зубоскала*: первое дѣло и главнѣйшее дѣло у него—правда. Правда прежде всего. *Зубоскаль* будетъ отголоскомъ правды, трубою правды, будетъ стоять день и ночь за правду, будетъ ея оплотомъ, хранителемъ, и особенно теперь, когда, съ недавняго времени, правда ему страхъ-какъ понравилась. Впрочемъ, онъ иногда и привретъ; отъ-чего же не приврать? Онъ и привретъ иногда—но только умѣренно. Вѣдь со всѣми случается; всѣ любятъ приврать иногда, т. е. не приврать, — что мы! — обмолвились, но этакъ, знаете, сказать поцвѣтистѣе. Ну, вотъ и *Зубоскаль* точно также иногда что-нибудь тоже скажетъ метафорой, но за то если и совретъ, т. е. сметафоритъ, то сметафоритъ такъ, что будетъ совершенно похоже на правду, что выйдетъ не хуже иной правды, — вотъ будетъ какъ! А, впрочемъ, во всякомъ случаѣ будетъ за правду стоять, до послѣдней капли крови будетъ за правду стоять! Во-вторыхъ, *Зубоскаль* будетъ врагомъ всякихъ личностей, даже будетъ преслѣдовать личности. Такъ-что Иванъ Петровичъ, на-примѣръ, прочитавъ нашу книжку, вовсе не найдетъ совершенно ничего предосудительнаго на свой счетъ, а за то найдетъ, можетъ-быть, кое-что щекотливое, впрочемъ невинное, совершенно невинное, о пріятелѣ и сослуживцѣ своемъ, Петрѣ Ивановичѣ, и обратно, Петръ Ивановичъ, читая ту же самую книжку, ровно ничего не найдетъ о себѣ, за то найдетъ кое-что объ Иванѣ Петровичѣ. Такимъ-образомъ, оба они будутъ рады, и обоимъ имъ будетъ крайне-весело. Ужь это такъ *Зубоскаль* устроитъ. Вотъ вы сами увидите, какъ онъ обдѣлаетъ подобное обстоятель-

ство. И что всего удивительнѣе—самъ, напимѣрь, Иванъ Петровичъ, первый закричитъ, что о немъ ровно нѣтъ ничего въ нашей книжкѣ, и что не только нѣтъ ничего похожаго, но что даже и тѣни нѣтъ никакой! Что неприличнаго и злокачественнаго тамъ намека какого-нибудь — и намѣренія не было! А что, если есть что-нибудь, то единственно развѣ про Петра Ивановича. Вотъ будетъ какъ! — И такъ повторяемъ: правда прежде всего. *Зубоскала* будетъ жить правдой, отстаивать правду, подвизаться за правду, и — чего, впрочемъ, Боже сохрани — если случится ему умереть—то онъ и умереть не иначе, какъ за правду! Да! не иначе, какъ за правду!

«Но, можетъ-быть, и послѣ всего, что мы сказали о характерѣ *«Зубоскала»*, о привычкахъ его и наклонностяхъ, даже о самомъ поведеніи, кто-нибудь спроситъ еще — каково же будетъ содержаніе нашей книги? чего должно надѣяться отъ нея, чего не надѣяться? На это лучшимъ отвѣтомъ можетъ служить первый выпускъ *Зубоскала*, долженствующій появиться не позже, какъ въ первой половинѣ ноября этого года. Но мы и теперь же готовы удовлетворить желаніе читателей. Повѣсти, рассказы, юмористическія стихотворенія, пародіи на извѣстные романы, драмы и стихотворенія, физиологическія замѣтки, очерки литературныхъ, театральныхъ и всякихъ другихъ типовъ, достопримѣчательныя письма, записки, замѣтки о томъ, о семъ, анекдоты, пухы и пр., и пр., все въ томъ же родѣ, то-есть въ томъ родѣ, который соотвѣтствуетъ нраву *«Зубоскала»* и кромѣ котораго ни къ какому другому роду онъ не чувствуетъ въ себѣ призванія. Таково будетъ содержаніе нашего альманаха. Нѣкоторыя статьи, по усмотрѣнію своему, *«Зубоскала»* будетъ украшать полити-

пажными рисунками, исполненіе которыхъ поручитъ лучшимъ петербургскимъ граверамъ и рисовальщикамъ, а когда книга окончится, именно при двѣнадцатомъ и послѣднемъ выпускѣ, выдастъ своимъ читателямъ великолѣпную иллюстрированную обертку, въ которую и попроситъ читателей переплестъ его произведеніе. *«Зубоскала»* считаетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія публики, что у него заготовлено много хорошихъ рисунковъ и разнообразныхъ статей, и потому онъ твердо увѣренъ, что разстояніе въ выходѣ выпусковъ книжекъ никакъ не будетъ продолжительнѣе четырехъ недѣль. Такимъ-образомъ, вся книга въ годъ будетъ непремѣнно окончена.

«Наконецъ, еще объ одномъ предметѣ... объ одномъ важномъ, щекотливомъ предметѣ... *Зубоскала* такъ любить, такъ уважаетъ, такъ высоко цѣнитъ своихъ читателей... своихъ будущихъ читателей (у него будутъ, непремѣнно будутъ читатели!), что готовъ бы даже давать книгу свою даромъ, не смотря на неизбежные расходы на печатаніе, бумагу, картинки — картинки, которыя у насъ достаются такъ трудно и дорого!.. Но во-первыхъ, принять подарокъ отъ него, отъ человѣка, у котораго такой чинъ, что онъ боится даже объявить, какой у него чинъ, чтобъ не лишиться уваженія читателей, отъ человѣка, который... ну, который, словомъ, ничего больше, какъ *зубоскала*... не покажется ли обиднымъ даже одно такое предположеніе?.. А во-вторыхъ, есть и другая причина: какъ! давать книгу даромъ, въ нашъ вѣкъ, въ нашъ вѣкъ, какъ уже всякому извѣстно, *положительный, меркантильный, желѣзный, денежный*?.. Не вѣрнѣйшій ли это способъ уронить книгу, лишить ее читателей, которые бѣгутъ отъ всего, что имъ навязываютъ?.. Гдѣ же смыслъ?

гдѣ тактъ?.. гдѣ, наконецъ, приличіе?.. гдѣ чувство собственнаго достоинства?.. Такія-то причины обуздываютъ великодушіе *Зубоскала*. Итакъ, по соображеніи издержекъ на изданіе, съ чувствомъ собственнаго достоинства, скрѣпя сердце, *Зубоскалъ* объявляетъ, что онъ будетъ продавать себя по 1

руб. сер. за выпускъ, въ книжныхъ магазинахъ М. Ольхина, А. Иванова, П. Ратькова и Комп., А. Сорокина и другихъ петербургскихъ книгопродавцевъ. На пересылку прилагается за одинъ фунтъ.

ЗУБОСКАЛЪ.

